

Рис. В. Козлинского

СМЕХАЧ: — Это не важно, что они здесь все голые!

РАЗУМНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ

Рис. Н. Радлова

— Откуда у вас цилиндр на чучеле?
— А это в наш селькооп вчерась ходовые товары привезли.

НРАВЫ

В два часа дня в школу принесли пакет из исполкома. На нем красовалась огромнейшая сургучная печать с гербом, стоял исходящий номер 1247 и в уголке было отмечено, что срочная и секретная бумага должна быть вручена лично учительнице Клавдии Кондратьевне Доброхотовой.

Учительница, улыбнувшись, вскрыла пакет и вынула с обеих сторон исписанный официальный бланк. Какие еще секреты мог таить в себе очередной бумажный плод мятежной фантазии канцелярских исполкомовских умов?

Ах, дурные бюрократические привычки! Опять требуют, вероятно, сводку сведений о состоянии школьных печей или данные о полезной площади опытного огорода и запасе неизрасходованных фитилей для ламп в текущем учебном году.

„Многоуважаемая Клава!— прочла она, однако, и растерянно и изумленно приподняла бровь:— Я, как предрайисполкома, от вас безусловно потерял голову, и надеюсь получить такую же симпатию, т.-е. познакомиться поближе. Я на все решусь, драгоценная Клавочка, и на коленях у сахарных ваших ножек прошу вас после коров выйти на мост за исполком, чтобы об'яснить там свои мучения сердца без вас, и вообще о своей страсти. А также безусловно могу сказать: если ты не придешь, то я, как исполком, двину против тебя материальчик в ГПУ... Клавочка! Выбирайте и приходите обязательно. Остаюсь с любовью ваш по гроб — председатель Бейматинского исполкома, товарищ Вякилев."

Она выронила бумажку и обессиленно опустилась на стул, ощущая мучительный стыд и краску на лице и тщетно стараясь собраться с мыслями. Чрезмерное внимание председателя, которое давно уже тяготило ее, приняло в последнее время особенно назойливый и неприятный характер, и она понимала, что надо ждать решительной атаки и неприятностей, но предположить, что исполкомовский Ромео перешагнет, облекши свои пылкие страсти в форму такой откровенной и наглой угрозы, за черту элементарной человеческой порядочности — было как-то трудно, все-таки, и не хотелось.

Но сейчас она ясно представила себе вдруг, в какой мере зависит от этого человека, тщетно добивающегося уже третий месяц ее расположения, раздраженного и обиженного ее холодным равнодушием; было очевидно, что он не остановится перед тем, чтобы привести в исполнение свою циничную угрозу.

Она подумала о школе, которую придется, быть может, бросить теперь, о ребятах, к которым успела уже привязаться, о том искреннем и горячем молодом чувстве, с которым ехала сюда, едва сойдя со школьной скамьи, на работу,— и ей стало обидно, горько и противно: она почувствовала себя одинокой, заброшенной и беспомощной и заплакала, уткнувшись лицом в подушку...

Вечером, когда прогнали коров с поля, она не вышла на мост, но, крепко заперши все двери и окна в школе, ощущая смутную тревогу в душе, не раздеваясь, прилегла, погасив огонь, на кровать.

Скоро из района пришел милиционер; он долго стучал в двери и в окошки, кричал снаружи, что ему велено немедленно доставить учительницу в исполком, скверно ругался и грозил всяческими карами за сопротивление властям. Потом он ушел, исчерпав, видимо, запас терпения, настойчивости и бранных слов.

Вместо него явился через полчаса сам председатель; забегая с разных сторон и стараясь заглянуть сквозь темные окна в неосвещенную комнатушку, он целый час кружился, преследуемый яростным лаем собак, вокруг школы; сначала он клялся в вечной любви и предлагал на утро пойти расписаться в загс, потом пригрозил, в случае отказа, немедленным арестом, потом стал умолять, открыв окно, подарить ему хоть один ласковый взгляд и, наконец, отчаявшись, ушел тоже, на прощанье осыпав дрожавшую девушку градом матерных ругательств и оскорблений.

— Будешь помнить, стерва, кто такой Вякилев! — закричал он, отступая, на всю улицу, и со злости и досады швырнул булыжником в школьное окно.

Атака была отбита, и остаток бессонной мучительной ночи прошел без инцидентов.

Но наутро, едва рассвело, и показались первые ребятишки во дворе, и сторожиха, позевывая, начала подметать классы, в школу явился неожиданно начальник районной милиции Грымзин.

— Подвода готова,— сказал он язвительно и с ног до головы оглядел, ухмыляясь нагло, вспыхнувшую девушку.

— Какая подвода? Я не понимаю...

— По постановлению районного исполнительного комитета вы в 24 часа высылаетесь, как проститутка, за пределы района. Иваницкий, собери ихние вещички.

Милиционеру потребовалось ровно пять минут, чтобы свалить в содранную с кровати простыню скудный учительский скарб. Растерявшаяся девушка ничего не успела сказать, не успела даже опомниться; ее под руки вывели во двор и посадили на телегу. Милиционер, привычно оправив кобур, сел рядом, начальник сказал—„Трогай, счастливо!"— и лошади рысью взяли с места. Сторожиха ахала, метаясь на крыльце, ребятишки, сбившись в кучу, пугливо жались у ворот...

На семнадцатой версте, в туркестанских степях, на границе Бейматского района, милиционер велел остановить лошадей. Он высадил девушку и, достав из-за пазухи, отдал ей адресованный в окружной наробраз секретный пакет.

— Дальше самопером крой!— сказал он:— Митька, заворачивай!

Присев в степи на узле с вещами, учительница распечатала пакет.

„Так как в Беймате не имеется партячейки, райисполком принял на себя меры по воспитанию комсомольцев, на каковых местный шкраб Доброхотова действует в развращающем смысле, т. е. разводя с ними проституцию. Комиссия от исполкома обследовала поведение упомянутого шкраба и, установив наблюдение, обнаружила поздним вечером в занавешенном окне г-ки Доброхотовой тень, в каковой можно заподозрить местного комсомольца, безусловно занимавщегося проституцией с упомянутой гражданкой. В виду чего бейматинский исполком препровождает таковую, как проститутку, в распоряжение Окроно и просит выслать нового шкраба.

Приложение: личность гражданки Доброхотовой."

В степи дул сухой, горячий ветер, вымершая степь была мертва и безлюдна, и одинокой неподвижной точкой маячил отставший от каравана верблюд на горизонте. Учительница сидела на узле, плакала и по-детски беспомощно растирала кулаками слезы на лице...

А. Зорич

АНЕКДОТЫ

За нужной мне справкой меня отослали к Кубанскому. Он полусидел на письменном столе и что-то рассказывал сослуживцам, которые тут же ржали от смеха.

— Здравствуйте, товарищ Кубанский,—подошел я к нему,—я к вам в связи с последней ревизией. Не находите ли вы...

— Ревизией? — вскинул на меня глаза Кубанский.— А, кстати, вы знаете анекдот о постановке „Ревизора"?

Он поспешил рассказать мне довольно забавный театральный анекдот, впрочем, где то мной уже слышанный.

— Что, не плохо?— подмигнул он мне.

— Очень не плохо,— вежливо рассмеялся я.—Так вот, значит, вы знаете, что когда от вас выезжала комиссия на места...

— Что, на места?— закричал Кубанский.— Так слушайте. Одного типа спрашивают: „Как вам нравится эта женщина?". Тот подумал и отвечает:

— Знаете... местами...

— Так как же,—говорю,—насчет комиссии?

— Он обиделся,— заметил кто-то из собеседников Кубанского,— что ты рассказываешь ему избитые анекдоты, надо рассказать ему про одессита в поезде.

Я плюнул и пошел к начальнику учреждения:

— Что у вас здесь: учреждение или производство подержанных анекдотов?— крикнул я.— Вот уже полчаса, как мне рассказывают всякую чушь.

— Чушь?—обиженным голосом сказал вошедший вслед за мной в кабинет Кубанский.— Анекдот про одессита в поезде он считает чушью! Вот чудак,— ему ничем, видно, не угодишь!..

— Конечно,—укоризненно заметил начальник,—кто же теперь рассказывает про одессита,- вы ему лучше расскажите серию детских, хотя бы вот этот: „Ну, и семейка"...

— Я знаю про семейку,— уныло сказал я.

В это время в кабинет вошел управделами с бумагами для подписи.

Пока начальник их подписывал, он успел рассказать анекдот о монахе и купчихе.

Кубанский немедленно же рассказал еще два анекдота, один про „Новый способ" и второй насчет занавески. Заполнившие к тому времени кабинет сотрудники дружно грохотали на все лады. Сам начальник давился от смеха.

— Видно, вы, товарищ, не особенно поклонник такого рода анекдотов,— сказал он, — надо тогда вам рассказать добрый старый анекдот про курицу.

Едва он выговорил это слово „курица", как среди присутствующих раздался взрыв смеха, продолжавшийся не менее пяти минут.

Отсмеявшись, он начал:

— Офицерик (это при старом режиме было) говорит своему денщику: — „Иван, зарежь курицу!"—„Не могу, ваше благородие,— отвечает денщик,—за ними генеральский петух ухаживает!.."

* * *

Я вышел из кабинета, оставив публику держащейся за животы и корчившейся в неудержимых судорогах смеха.

Грустный старичок, к которому меня сплавил великолепный Кубанский, дал мне все нужные материалы.

На прощанье я спросил у старичка:

— Послушайте, что все это значит? Что это за анекдотизация? Вы — единственный человек, не рассказавший мне ни одного анекдота.

— Да, знаете-ли, — сказал он,— дело к старости идет. Не упомню. Чувствую, что недолго мне еще здесь прослужить. У нас сам начальник Иван Фомич очень остроумная личность и в сотрудниках остроумие весьма ценит. Без остроумия у нас человеку прямо таки никакого хода нет.

Когда я одевался в швейцарской, бодрой походкой спустился с лестницы Кубанский и тоже стал одеваться.

— А калоши?— сказал я медлившему швейцару.

И швейцар, и Кубанский фыркнули.

— Чему вы?— удивился я.

— Анекдот такой есть про калоши,—об'яснил мне Кубанский, пока швейцар фыркал за вешалкой.

— Болван!— сказал я Кубанскому.

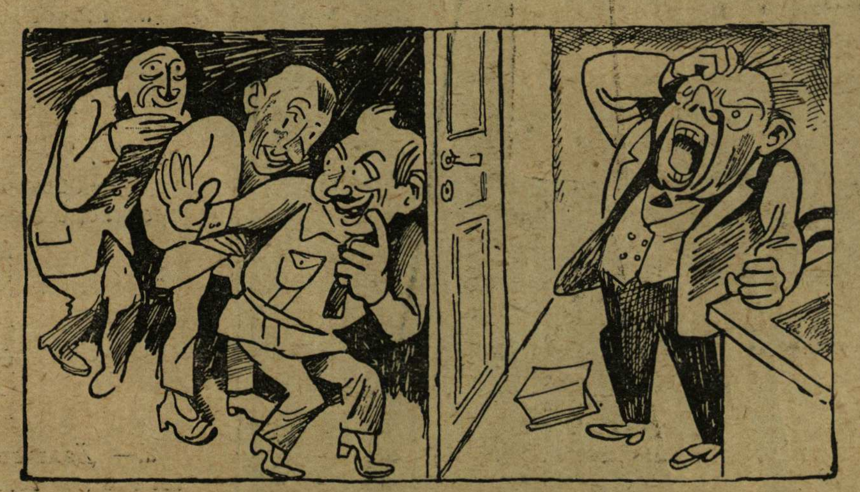
— То-есть, как? — обиделся он.— Вы забываетесь...

— Чудак,—сказал я,—вы уже и обиделись. Это такой анекдот есть...

С. Карташов

ИСКРЕННЯЯ САМОКРИТИКА

Рис. А. Радакова

ЗАВ:— Ах, я осел, ах, я дурак набитый, ах, я дубина стоеросовая...

ПОДСЛУШИВАЮЩИЙ:— Тсс... Заведующий занимается самокритикой.

ЗАВ (продолжая):— ...И как же это я, растяпа этакая, позабыл, что вчера коммерческий наш директор, благодетель и кормилец мой,—именинником был!!

ВРЕДИТЕЛИ

Рис. Л. Бродаты

— Скажите, Пьер, как вы рассчитываете глубину шахт: на аршины или на метры?

— О, нет, Мари: преимущественно — на иностранную валюту.

ЧЕРНЫЙ КОБЕЛЬ

Познакомился я с ним на пляже, на хрустящих под ногами ракушках.

Он лежал на пестром коврике, предоставив солнечным лучам свое волосатое, худое тело. Щурил взор в морскую зыбь и лихорадочно прыгающим карандашиком то и дело заносил в блок-нот косые строчки.

— Сочиняете? — подсел я к нему.

— Творю!

Море заплевывало пляж брызгами и пеной, вихляла крылом чайка, и бежал над зыбью без нужды и без цели „парус одинокий“.

Словом, были все „атрибуты“ для добросовестного со „стажем“ в несколько веков — стихотворения.

— Об этом? — подмигнул я поэту на окружающую благодать.

Он мотнул головой и с готовностью развернул блок-нот.

— Вот... часть уже написана: „Мечта волны“... Неправда ли, недурное название?

— Гм... как сказать! — поежился я — старомодненькое...

Чу, все равно, слушайте:

Под солнцем и небом
До грешной земли
Зеленые волны
Шумливо неслись.
Меж них рокотала,
Плескалась одна,
Слезинкой вскипевшей,
Морская волна.
И молвило море,
Проснувшись от сна:
— О чем твое горе?
Скажи мне, волна.
И молвило небо
С небесных высот...

... — Вот до этого места у меня написано... Как находите?

— Да, видите ли...— замялся я — все это очень хорошо, прекрасно... но это самое было и сто и двести лет тому назад; теперь же, в нашей современности...

— Вы коммунист? — перебил он меня.

— Да... а что?

— А то, что теперь для меня все ясно: вам нужно, чтобы все непременно кончалось интернационалом? Правда ведь?

— Это, конечно, не так, но, видите ли...

В конце концов, он согласился с тем, что в нашу революционную эпоху бессмысленно отсиживаться на „птичках в эфире“, на „голубой эмали небес“ и на мечтающих о чем попало изумрудных волнах...

— Погодите минуточку! — схватился он двумя пальцами за виски — я уже на новое настраиваюсь, я уже...

...Настроение длилось несколько дней...

И опять зыбилось, подмигивало солнечными искорками море, шуршали ракушки...

Поэт раскрыл блок-нот:

— Итак, самоновейшая темочка... „Мечта завода“... Теперь-то, я думаю, придраться не к чему,— обстановочка самая что ни на есть производственная. — Вот оно стихотворение:

Во мгле тоски и горя,
На побережьи моря,
Полн суетных забот —
Грустил завод.
Вздымались кверху трубы,
И голос трубный, грубый,
Сзывал всех на моленье.
Мечтал завод... — И вот...

...— Дальше еще не дописано! Но скажите — теперь вы тоже будете придираться? Теперь вы тоже скажете, что...

Нет! я больше не „придирался“. Не стоило огород городить. Не бывало ведь таких случаев, чтобы „черные кобеля отмывались до-бела“.

А. Митницкий

ПРЫЩИКОВ

Толстяк бухгалтер Глухо-дырьенского кооператива из всех своих московских похождений за время отпуска больше всего любил рассказывать следующий случай:

— Гляжу, — столовая... Захожу. Жарища! Спасибо, что на второе в обеде из двух за 85 коп.— окрошка. Ем. Только, вдруг, к моему столу—молодой человек в пиджаке с фасоном, однако, без сорочки.

— Личность ваша, — говорит,— обостряет мой специальный интерес. Кто будете?

Тут я, конечно, приподнимаюсь и, проглотивши, отвечаю:

— Бухгалтер-с мы!

— Паршиво, — говорит,— однако, мне наплевать, потому что я не гордый! Я иногда, знаете, с мелочью даже предпочитаю разговаривать, потому что ей лестно, а мне—хны... Эй! Водки и осетрины!

— Извиняюсь, — спрашиваю, робея,—из ваших слов понимаю, что являетесь крупным, повидимому-с, лицом-с?

А тот улыбается этак носом:

— Ясно. Не без того,—говорит.— Нас и всего-то на весь Союз двое было... Я да вот Сережа Есенин... Слышали? Поэт и великий хулиган! Даже до такой степени, что чуть-чуть до меня не дотянул! А я—Прыщиков!

Тут у меня — пот.

— Польщен-с,—говорю. — Значит, стишки вы-то пишете?

Прыщиков же поморщил лоб и произнес:

— Пока не пишу, но в будущем обязательно. Пока я по остальным линиям Есенина переплевываю. Поняли?

Но в это же время гражданин Прыщиков несколько отвлеклись, поскольку принесли им заказанную водку и осетрину. Покушавши же, они свою мысль продолжили:

— Я и тебе, если хочешь, в окрошку плюну, да и всем бухгалтерам, вообще, тоже, потому — что вы за народ? Без творчества и вдохновения! Возьму вот и плюну!

А так как, после этих слов, я спешно нагнулся за шляпой, то Прыщиков воспользовались тем моментом и исчезли. Ну, ясно,—увидавши, что они исчезли, я осмелел и—в амбицию.

— Что это — кричу,— безобразие? Это еще что за кушание?!

Но тут старичок официант тотчас же мне раз'ясняет:

— Это, не извольте беспокоиться, местная наша богемка-с!

И шопотом:

— Многие, представьте, обижаются, однако, администрация держит... Разрешите получить за водку и осетринку с?

В. Авилов

„ИСТОРИЯ ВСЕЛЕННОЙ"

В. Кто живет на луне?
О. Лунатики.
В. Отчего происходит дождь?
О. Оттого, что у обитателей планет портится водопровод
В. Из каких элементов состоит солнце?
О. Из трудовых и нетрудовых.
В. Отчего луна не падает на землю?
О. Оттого, что между ними слишком большое расстояние.

Впрочем, каемся! Из идиотских ответов, приведенных выше, не все принадлежат нашему творчеству. Последний ответ был, по сообщению „Красной Газеты", произнесен одним из лекторов на лекции „История вселенной", устроенной в районном клубе.

Что ж, раз лектору можно гарцевать своими познаниями то почему же нам нельзя? Мы тоже хочем свою образованность показать,—может мы в академики метим.

Волк

СЛУЧАЙ С МЕДВЕДЕМ

Может ли медведь играть на скрипке?
— Может!
— Может ли продавца заменить часовой мастер?
— Может!
— А телефонистка?
— Может!

В Казани комиссия Наркомтруда установила, что на биржу труда вместо продавца посылались телефонистка или часовой мастер и проч., несмотря на наличие квалифицированных продавцов.

Может ли медведь немедленно же начать играть на скрипке?

Нет, не может! Для этого он должен поехать в Казань, зайти на биржу труда и узнать, не требуется ли музыкант в оркестр.

После этого может. Ясно, коротко и просто.

Ч.

„ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ"

Увлечение Викториной не всегда полезно!

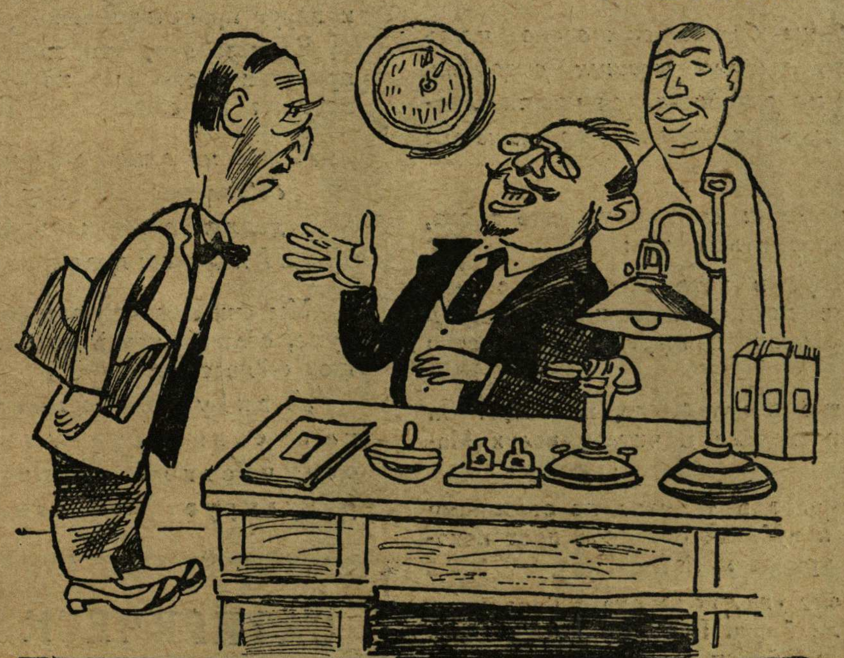
Так, например, яранский отдел народного образования разослал по всем школам уезда учетную карточку на ремонт, составленную из 750 вопросов.

Впрочем, надо полагать, что в яранском уоно были свои правильные расчеты: займутся, мол, на местах ответами, покорпят над ними месяц — другой, а там, глядишь, и осень подойдет, и вообще не до ремонта будет.

П.

МОМЕНТАЛЬНАЯ ГОТОВНОСТЬ

Рис. А. Радакова

Уже создаются трафареты самокритики.
Из речи тов. Бухарина

— **В шесть часов у меня заседание. Приготовьте отчет, портфель и резолюции для самокритики... Знаете, эти... негодующие... форма № 41.**

ГОСПОДА ПУТЕШЕСТВУЮТ

В ожидании дачного поезда Пантюхов от нечего делать прогуливался по досчатой платформе. Дойдя до ее конца, он услыхал чью-то беседу. Где-то на траве сидели два человека и о чем-то горячо спорили. В темноте нельзя было разглядеть их лица. Скучающий Пантюхов стал прислушиваться к беседе неизвестных.

— Нет! Сочи куда лучше Евпатории! Во-первых, публика чище, застрахованных там мало, все больше свободные професcии и торговцы, во-вторых, и в гостиницу легче попасть—швейцар парень, что надо!

— Зато ресторан—дрянь! Подадут тебе только остатки с тарелок! Нет того, чтобы чистую тарелку супа предложили. А бросят тебе об'едки, как собаке, и жри. Официанты там — сволочь!

— Что и говорить! Отвык нынче народ от деликатного обращения. Везде хамят.

— Факт! А жаль, нет той публички, что в начале нэпа ездила. Кошельки полные, деньги легкие, натуры широкие, вещицы богатые. Э-эх! И жилось тогда нам!

— А костюмы! Такие костюмы были, что глаза прямо разбегались! И немало же деньжат я зимой за эти костюмы выручал!

— Прошло это все. Нынче, брат, не шикуют. Боятся, да и кошельки отощали! А служибисты дерьмо.

— И не говори! Теперь на юг и ехать неинтересно: толстовки, трусики, у санаторника полтишон в кармане, — вот он тебе и шик, вот он какой—первоклассный курорт!

— И поездки не те пошли! Раньше вам прямым сообщением прямо в Севастополь. А сейчас—дудки. На каждой узловой—пересадка.

Пантюхову надоело, наконец, слушать эти выдумки и поклепы.

— Сволочи! Трутни, паразиты проклятые! За „чистой" публикой соскучились, толстовки вам не по духу, нарядов захотели! Недовольны, что санатории полны трудящимися! Про железные дороги небылицы выдумываете? А ну-ка, поговорим сейчас с вами на эту тему-с!

Пантюхов приблизился к беседовавшим. Он захотел взглянуть на эти сытые, откормленные морды, на этих бывших рвачей, которым не нравятся трудовые порядки. Увы! Он не увидел того, о чем думал!

На траве сидели два шкета лет семнадцати, профессиональные попрошайки, и попрежнему вели свой простой деловой разговор.

И. Матвеев

ТОРЖЕСТВЕННОСТИ МНОГО, ДА ТОЛКУ...

Рис. К. Ротова

Торжественно выпускали учеников гжельской керамической школы. Были произнесены торжественные речи, но вот уже прошло около 2-х месяцев, а все окончившие школу—без работы.

— Глядите-ка, до слез выпускников тронули!
— Да, тут, брат, заплачешь! Куда же им теперь, бедным, деваться-то?

5 ЛЕНИНГРАДСКИХ РАЗРЯДОВ

Старый анекдот о покойнике, который требовал, чтобы его похоронили по седьмому разряду, повидимому, еще сохранил свою свежесть.

По сообщению ленинградских газет,—

на Волковом кладбище будет оставлено пять разрядов, места, отведенные для высших разрядов, уменьшаются и за счет их расширяются части кладбища, предоставляемые для захоронения по дешевым ценам.

Так как разряды должны все-таки соответствовать эпохе, мудрые ленинградцы должны оформить их так:

1 разряд. Покойника везут в катафалке, в костюме, купленном у частника. Бывшие подчиненные идут сбоку в красных цилиндрах и поют передовицу из журнала „Искусство одеваться". Извозчики плачут.

2 разряд. Покойника везут в катафалке, но лежит он сбоку. В центре сидит домоуправление и читает вслух Малашкина.

3 разряд. Покойник сам едет в трамвае по сезонному билету. При общем негодовании публики сам себе поет нехорошим простуженным голосом траурную песнь.

4 разряд. Покойник висит на подножке. Торопится, чтобы встать в очередь у кладбища. Пестрый галстучек и платочек в кармане. В бумажнике билет на очередной диспут „Покойник, как таковой".

5 разряд. Ничего нет. Ни покойника, ни кладбища. Хоронить некого. Делается выкличка добровольцев. Хоронится по найму дачник, опоздавший на дачный поезд, да и то временно. Полежит дня четыре, получит монету и уступит место другому.

КОНЕЦ ПРОФДВИЖЕНИЮ...

Это печальное известие обнародовал на с'езде железнодорожников т. Березовский и даже без всякого огорченного вздоха...

А ведь дело более, чем серьезное: на одиннадцатом году и вдруг приостановлено профдвижение.

Единственно, что может служить утешением, это то, что приостановлено оно не во всесоюзном масштабе, а в чисто местном. По словам тов. Березовского,—

на одной станции некоторое время висело такое об'явление: „В виду моего от'езда в учкпрофсож профдвижение на станции (такой-то) считаю закрытым." И подпись: предместкома—имя рек.

Мы считаем, что это еще очень скромно... Было бы гораздо хуже, если бы такой полустаночный философ вывесил следующее об'явление:

„В виду моего временного отсутствия (уехал на именины) считаю вращение земли вокруг своей оси частично приостановленным. Ход планет регулирует мой заместитель."

ЧИСТОЕ ИСКУССТВО

Они ходили по дворам с заезженным, как шоссейная дорога, репертуаром. Кирпичики, у камина, две гитары и бубна звон — были их программой. Что же тут удивительного, что, исполнив надрывным голосом эти песни, они напрасно задирали вверх голову в ожидании серебра и меди.

— Хряйте дальше! Осточертели! Сами не хуже вас знаем это добро! — вот что они получали вместо денег.

И тогда-то они решили сделать свое искусство общественным. Недаром же один из них был рифмоплетом, а другой обладал звонким тенорком.

Двор .. На дворе играют детишки. Рядом с ними няньки, бонны и матери. К одной из указанных воспитательниц подходит эта пара злосчастных бродячих музыкантов и спрашивает:

— А ну-ка, мадамочка, извиняемся за нескромный вопрос. А славный человек ваш управдом, правда?

— Наш-то? — вспыхивает вдруг, как бенгальский огонь, женщина.— Иван-то Петров?.. Да он в прошлом году обещал крыши починить, а разве починил? Он с нэпманом из пятого номеру за одно. Ему, ироду, и потолок выбелил за счет жакта, когда нэпман его пивом угостил. А касательно выпивки, так это прямо пьявка: сосет и сосет. Вот он какой хороший, чтоб ему пропасть!

— Спасибочко, милая! А вечером мы вам полнейшее удовольствие доставим. Так всех жильцов и предупредите: потеха будет.

И после этой беседы они шли на соседний двор и на свой неизменный вопрос об управдоме получали такие ответы:

— Он, чорт, сорок два рубли на розыгрыш авиахима с нас собрал, а между прочим билетиков что-то не видно. Опять же евонная как займет прачешную, так это будьте уверены, что жильцовские дрова жгёт, вот как! — То-ись, такая это тварь наш домуправ, что цельный роман про его проделки написать можно было б! Инвалида с третьего этажа он даже ударил раз по деревянной руке за то, что инвалид свой интерес инвалидный отстаивал!

Так собирали уличные артисты сырье, чтобы претворить его вечером в новую невиданную форму, которая сулила неслыханный успех. Ах, что это был за успех, художественный и материальный, когда под томные аккорды гитары тенорок запел на первом дворе незабываемую песню, так удачно уложившуюся в „Две гитары":

Управдом Петров Иван
Песню пусть услышит,
Как пошел он на обман,
Не чинивши крышу...

И дальше на мотив „Там бубна звон":

Там стопок звон
И бой посуды,
Там платит нэпмана рука
За переделку
И за побелку
Нетрудового потолка!!!

— Брраво! Молодцы! Кройте нашего ирода'— послышались веселые возгласы из окон.—Ай-да ребята! Ловите, братишки, звонкие...

Тысячи медных монет летели за день из разных окон, десятки управдомов бледнели от злобы, жильцы неистово аплодировали. Да! Увязка чистого искусства с самокритикой — была оценена, как нельзя лучше!

М. Коварский

МЕЧТЫ, МЕЧТЫ...

Рис. . Бродаты

СЧЕТОВОД: — Эх, если б вздумали звезды на небе подытожить, — всех бы нас, счетоводов, с биржи забрали!

МОДПИКИ—КОЗЫРИ

Рис. Б. Ефимова

— Какой Лев Толстой?! Лев Толстой мне доверенность оставил на получение гонорара!

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ
(ПАРОДИИ)

ВЕРА ИНБЕР

О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

У Красной Шапочки
Не ножки, а ноженьки,
Не ручки, а лапочки
Беленькой коженьки.

На щечечке ямочка,
Ротик малюсенький.
Шапочку мамочка
Послала к бабусеньке.

Отправилась душечка,
Крошка манюнечка.
В лесу — избушечка,
В избушке — бабунечка.

— „Бон жур, бабусенька!
Отчего твои глазики
Такие круглюсенькие,
Как медные тазики?

Почему твоя рученька
Длинная, длинная?..“
Бедная внученька
Крошка невинная.

Волк отвратительный,
Сцапав в охапочку,
Скушал решительно
Красную Шапочку.

Деточки-крошечки,
Мальчики, девочки,
Милые кошечки —
Верочки, Севочки!

Вы слышали драму
Про Красную Шапочку.
Слушайтесь маму!
Слушайтесь папочку

ИОСИФ УТКИН

СКАЗКА О РЕПКЕ

Для сказки надо зацепку.
Зацепку? Так что из того!
Посеял Мотеле репку,
И выросла репка — во!

Мотеле репку тянет —
Попробовать захотел!
Потянет, потом перестанет,
Прямо-таки вспотел!

Так трудно тянуть в одиночку.
И день проходит, и ночь.
Вот Мотеле кличет дочку,
Внучку, Жучку и проч.

И после такого подхода —
Семья ведь это не трест!—
Нет в земле корнеплода,
И Мотеле репку ест.

Дети! Запомните крепко:
Мудрость выше борща!
В одиночку сажайте репку,
А тяните ее сообща!

Александр Архангельский

„КЕСАРЕВО КЕСАРЕВИ...“

Рис. К. Ротова

— Ого, какой шикарный стол! Интересно, на какие средства вы все это устроили?
— На гонорар за книжку „О вреде пьянства“.

ТОЧНАЯ МЕХАНИКА

С 20 лет Сергей Котомкин стал готовиться стать писателем. Он сидел у стола, грыз в бессилии карандаш и задумчиво смотрел на литографный портрет курчавого Пушкина.

— Пушкина, пожалуй, из меня уж не выйдет! — говорил он, подсчитывая биографию поэта.— Пушкин, чорт, с 15 лет стихи писать начал. Но ничего! Гоголь с 22 лет собственно писательством занялся. Гоголем вполне может случиться, что и буду еще!

Он заменял на стене Пушкина гладко причесанным Гоголем и любовно смотрел на сатирика.

— А Гоголь, по моему, даже и выше, чем Пушкин. Что Пушкин? Поэт, вертопрах, а это — глубочайший писатель!

Время шло. Счетовод Сергей Котомкин скромно свершал свой житейский путь. Днем сидел за счетами, подсчитывая дебеты и кредиты, а вечерами углублялся в писательское творчество. Стенной портрет Гоголя был заменен уже репинским эскизом Льва Толстого. Котомкин брал биографию Толстого и под'итоживал синим карандашиком:

— „Рубка леса“ написана 25-летним Толстым, а „Детство“ 26 лет. Даже среди биографов царит разногласие. Некоторые полагают, что и „Рубка“ написана после „Детства“, так что...

Он с гордостью смотрел на свой паспорт и думал:

— Не упущено еще время! Решено, буду Львом Толстым! Слава богу, мне еще только 24 года, 3 месяца и 18 дней. О-о, еще есть времячко для написания и „Рубки“, и „Детства“!

— Хорошо это быть молодым писателем! — воскликнул он.— Сколько возможности впереди!

Дантист, пломбировавший Котомкину зубы, сказал:

— Что же! Пять плохих зубов—для 28-летнего мужчины это не так много еще!

— Да. Мы, писатели, привыкли ухаживать за зубами.

— А вы что, писатель?

— Почти. Думаю им стать. Вон писатель Короленко 30 лет начал писать.

На днях я встретил Котомкина. Он шел печальный и задумчивый.

— Что вы такой?—спросил я.

— Мне сегодня исполнилось 35 лет...

— Поздравляю! Все еще не поздно стать писателем. Крылов 40 лет первые басни написал, а ничего себе, на весь мир прославился старик!

— Теперь, милуша, не те времена, Крылов теперь никогда бы не был баснописцем!

— А что?

— Теперь с 16 лет надо писателем делаться. Не позже! Вон у меня знакомый писатель еще в 1922 году сотворил роман, потом понес его в Гиз, оттуда передали в Гус, а оттуда из комиссии в комиссии... Шестой год, бедняга, ходит и ничего выходить не может. Два — за, два голоса — против, да три раза рукопись теряли... Эх, не видать бы Крылову теперь своего памятника... И меня только зря эти Пушкины подвели!

Вл. Тоболяков

ЛЮБИТЕЛИ КОНТРАБАНДЫ

За обедом жена сказала мне:

— Приходила Кадельская и передала, что в гостинице „Беларусь" в № 21 живет какой-то чех, который продает заграничные вещи. Этот чех приехал недавно из Чехии и завтра едет обратно. Кадельская купила у них платье и замечательные туфли. Туфли — 25 рублей, а платье — 45.

— Почему же так дорого? — спросил я.

— Это по-твоему дорого? — удивилась жена. — Ведь это все заграничное! Это даром, а не дорого. И вот у них еще там есть мужской синий костюм и еще одно шерстяное платье. Пообедаем и сейчас же побежим и купим, а то другие перехватят.

И наскоро пообедав, мы поехали трамваем в гостиницу „Беларусь".

Постучавшись, мы вошли в № 21, и жена, извинившись, сказала:

— Простите, нам передали, что так как вы все равно уезжаете за границу, то продаете кое-что из ваших вещей.

Супруга чеха, толстая женщина с карими глазами, ответила на ломаном русском языке:

— Да, мы продаем заграничная вещь, так как нам очень нужна деньга.

— Да, да, — сказал чех, кивая лысой головой. — Продаем веща. Нам очень нужна деньга. — И вынул из чемодана поношенный синий костюм.

Моя жена сказала мне: — „Примерь", — и я послушно полез в заграничный пиджак. Он мне был узок и рукава коротки.

— Это ничего, — сказала мне жена, заметив, что я чувствую себя в чешском пиджачке, как слон в футляре от скрипки. — Это ничего, зато материал какой шикарный. — И спросила у хозяев каким-то особенно вежливым, противным голосом:

— А простите за вопрос, сколько стоит этот костюмчик?

— Шесть десять пять рубель, — ответила жена чеха.

— Немножко дорого, — пробормотал я нерешительно, но жена моя сказала: — „Берем!" — и строго посмотрела на меня.

За коричневое полинялое платье было заплачено тридцать рублей.

На прощанье жена чеха сказала:

— Вы мне очень понравилась. Хочу только одна последняя пара дамска туфель предложить — 22 рубля.

У моей жены загорелись недобрым огнем глаза, она кинулась на эти туфли, как тигр. Сразу же их примерила и сказала:

— Чуть-чуть давят, но туфли замечательные.

— У нас ведь больше денег нет... Так, конечно, хорошо бы их купить, но ведь у нас больше денег нет, — поспешил я поставить в известность и чеха, и жену.

Но жена моя возразила, обращаясь к милым иностранцам:

— Можно так? Я вам сейчас могу дать 5 рублей, а завтра занесу и остальные? — и уж гораздо грубее обратилась ко мне: — А ты завтра достанешь в кассе взаимопомощи или еще где-нибудь... Или вот что: я здесь посижу, а ты пойди, пожалуйста, и одолжи до завтра у кого-нибудь.

— Очень хорошо. Иди и одолжи, — сказали мне чешские супруги. — А ваша жена у нас посидит.

Побывав у 15 приятелей, я через два часа примчался обратно в гостиницу „Беларусь" и заплатил остальные деньги за туфли. Попрощавшись и пожелав счастливого пути чехам, мы с женой ушли.

По дороге жена все время радостно говорила:

— Прямо даром! Такой костюм из заграничного материала самое меньшее стоит 180, и то нигде не достанешь.

Газету, где были завернуты платье и туфли, она нежно прижимала к своей груди и говорила: — Какое счастье! Я так давно мечтала о заграничной обуви и заграничной шерсти...

Вечером мы раз десять примеряли свои покупки и счастливые заснули.

На следующий день, когда пришли к нам знакомые, я опять полез в свой узкий гроб-пиджак, чтоб похвастаться. Но на этот раз правый рукав лопнул, а за ним треснула спина, и пиджак легко свалился на пол. А когда жена поспешила его скорее поднять, то вдруг все мы услыхали ее взволнованный голос:

— Смотрите, смотрите, что это за буквы сзади подкладки на воротнике.

— МСПО, — прочел один из наших знакомых, слегка улыбаясь.

А другой знакомый неизвестно зачем перочинным ножичком начал скоблить подошву заграничных туфель и вскоре с каким-то особенным злорадством об'явил, читая по складам:

— Ско-ро-ход...

Утром раненько мы помчались в 21 номер гостиницы „Беларусь". Возле этого номера стояло много людей. Они волновались и размахивали туфлями, ботинками, платьями, пиджаками, галстуками и еще чем-то.

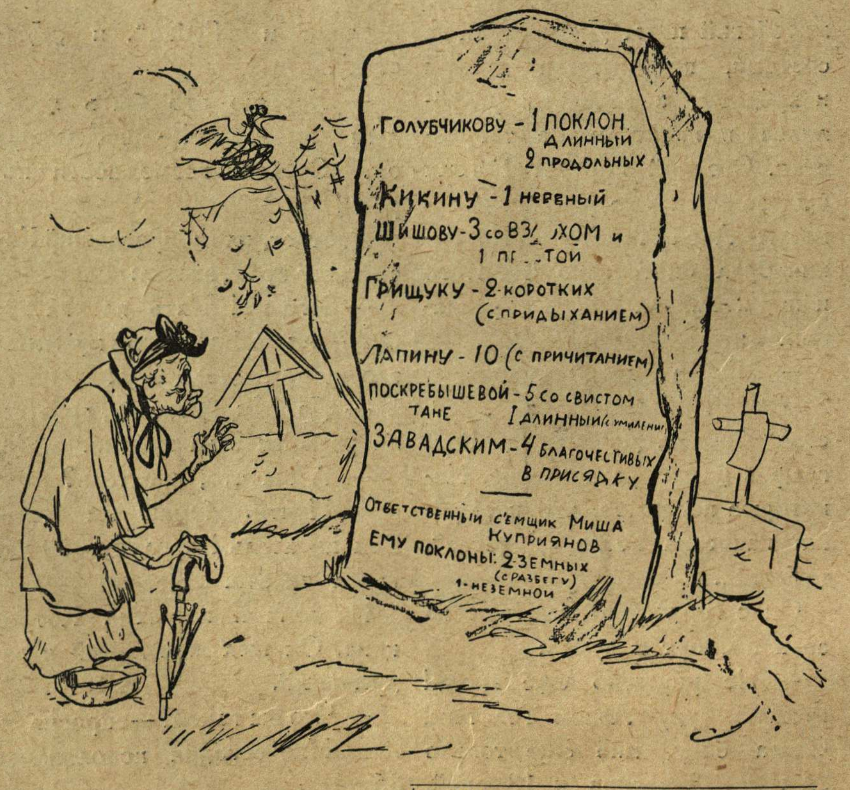
Служитель гостиницы сердито об'яснял:

— В сотый раз вам говорю — расходитесь по домам. Никакие они не чехи, а обыкновенные русские граждане из города Костромы, туда же и уехали — шестичасовым скорым.

Б. Левин

БЛАГОУСТРОЙСТВО КЛАДБИЩ

Рис. Кукрыниксы

В Москве поднят вопрос об уплотнении кладбищ.

Групповой памятник

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Газета „Труд" (2112) о Максиме Горьком:

Союз пищевиков удостоил его званием почетного члена союза, но Горький вправе подойти к окну регистратора любого союза и заявить:

— Союзный билет положите на это место.

Не удастся перед Горьким прихлопнуть окошко регистратору союза совторгслужащих. Не он ли был продавцом в магазине обуви? Придется внести в свои союзные регистры союзу водников пароходного поваренка Максима Горького.

Статья кончается следующими словами:

Таков Горький. Таков певец труда...

А можно было бы закончить эту статью, помещенную в газете „Труд", гораздо эффектнее.

Например, так:

Таков Горький. Таков певец „Труда" (тариф на об'явления позади текста 1 р. 50 к. строка нонпарели).

✶

Журнал „За грамоту" (№ 3—4) поместил стихотворение Антона Пришельца „В дороге". Вот как оно начинается:

Тот же плуг. И та же борона.
Все скрипит кольцовская Сивуха.

Мы знаем кольцовскую Сивку („Ну, тащися, Сивка...").

Антон Пришелец превратил ее в Сивуху — и сделал это не совсем кстати: сотруднику журнала „За грамоту" следовало бы знать, что сейчас об'явлена кампания по борьбе с алкоголизмом.

ОТВЕЧАЮТ

Последняя партия ответов отзывается почти исключительно на театральную „Смехачину".

Можно с уверенностью сказать, что из трехсот-четырехсот писем ни одно не написано режиссером: режиссеры отнеслись бы помягче к тем роковым вопросам, которые были предложены нами...

Правда, в этом смысле очень подозрителен один ответ на вопрос: „Почему не ходят?":

— „Мимо — очень даже часто!"

На вопрос „Почему критики сердятся?" Н. Р. из Владикавказа пишет:

— „Ничего подобного. Когда пишут, не посмотрев пьесы, то часто даже хвалят".

А З. Р. из Костромы добавляет:

— „А если не будут сердиться — кто же им поверит?"

Вопрос: „Кто не получает контрамарки?" очевидно задел за больное место очень многих остряков-соревнователей.

Конст. П. из Новгорода спешит опубликовать всенародно:

— „А я получаю. Я хитрый."

Завидуем этому Конст. П.: хитрый человек всегда пролезет. Ему и в крематории родственников не надо; без протекции сожгут.

„Что делает в театре зритель, когда он не спит?"

Этот вопрос многих очень сильно смутил.

— „Неправильно поставлен вопрос! — советует нам Н. К. из Самары. — Лучше так: „А что делает театр, когда зритель спит?"

Как видит читатель, от премий все эти ответы отстоят на почтительном расстоянии.

Мы не жадные, но если за это премировать — кто же тогда непремированным останется?

Подождем еще ответов.

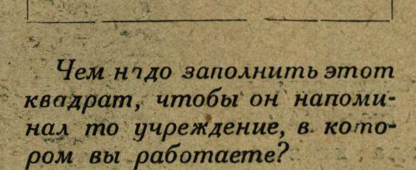
НОВАЯ СМЕХАЧИНА

ВОПРОС ПЕРВЫЙ:

Сколько часов в день работает этот гражданин?

ВОПРОС ВТОРОЙ:

Чем надо заполнить этот квадрат, чтобы он напоминал то учреждение, в котором вы работаете?

За наиболее остроумные ответы будут выданы 3 денных премии, а ответы будут напечатаны в „Смехаче".

ЛИТЕРАТУРНЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Рис. К. Ротова

— Я хоть одно слово напишу, да всем понятно. А эти наши писатели их тысячами пишут—и никто не понимает!

40 ЧЕЛОВЕК и 8 ЛОШАДЕЙ

ПРАВИЛА ХОРОШЕГО ТОНА

Грозненский Городской Совет издал обязательное постановление за № 5, представляющее собой „Правила хорошего тона":

Президиум Грозненского Городского Совета постановляет:

Воспретить на территории, подведомственой Грозненскому Горсовету... публичное демонстративное отправление естественных потребностей, приставание к прохожим, насмешки, обрызгивание водой, плевки на платье, бросание всякого рода предметов в карманы платьев граждан, подставление ноги или палки под ноги прохожим и т. д.

Как видите, постановление Грозненского Совета заключает в себе много пробелов.

Так, не совсем ясно,—допускается ли, например, на территории, подведомственной Грозненскому Горсовету, сморкание в полы пальто незнакомых прохожих, ковыряние в чужом носу, щекотание посторонних подмышками, бросание голландского сыра, особенно в ночное время, в электрические лампочки, беспричинные прыжки через проезжающие трамваи и автомобили, намыливание щек для бритья соседу по креслу в театре во время представления и т. д.

РОМАН В ТРЕХ СТРОЧКАХ

А здорово, однако, у нас научились писать бумажки!

Словечка в простоте не скажут,— все оформят, согласно установленному бюрократическому трафарету.

Жилец из общежития Вышневолоцкого завода „Красный Май", заведующий лабораторией Петрени, подал следующее официальное отношение технику завода по строительной части тов. Чернову:

ТЕХНИКУ ПО СТРОИТЕЛЬНОЙ ЧАСТИ

ТОВ. ЧЕРНОВУ С. И.

Заявление от Петрени А. С.

Прошу Вас починить замок и дверь, поломанные А. Кутасовым в кухне, которые он изломал, находясь в невменяемом состоянии, под влиянием избытка страсти к гражданке А. Т.

Жилец А. Петрени.

На конкурсе "самого короткого романа" — тов. Петрени получил бы, конечно, первую премию.

ПОЖАЛУЙТЕ ВТОРИЧНО БРИТЬСЯ!

На путях большой узловой станции Киннель в течении трех часов дымился под парами поезд № 103 бис...

Пассажиры панически метались от поезда к станции и от станции к поезду:

— Скоро ли, наконец, поезд тронется? Какая причина простоя?

Когда поезд, наконец, тронулся—причина простоя стала известна составу поезда и пассажирам:

— Начальник станции Киннель, тов. Петражицкий, брился, собираясь к от'езду в Самару.

А что если бы тов. Петражицкий решил перед от'ездом в Самару попариться в баньке?

Впрочем, надо думать, что после стрижки и бритья, задержавшей поезд под парами на три часа, начальнику станции тов. Петражицкому задали хорошую баню, помимо его желания.

С легкими парами, тов. Петражицкий! И... пожалуйте вторично бриться!

ВСЕ ВРУТ КАЛЕНДАРИ, — ОСОБЕННО ЛЕНИНГРАДСКИЙ

Тов. Демьян Бедный прислал „Смехачу" листок из календаря, изданного Ленинградским Гострестом „Полиграфическое Дело".

Согласно утверждению составителя календаря, вопреки мнения самых осведомленных биографов, — Владимир Ильич Ленин родился два раза: *22 апреля 1870 года* — смотри стр. 113 этого календаря, и *23 апреля того же года* — смотри стр. 114.

А лучше всего не смотри — не стоит в этот календарь заглядывать!

Издатель — „ГУДОК". Адрес редакции — Москва, Тверская 28. Отв. редактор — А. Богдасаров.

Главлит № А. 15.530. Отпечатано в 7-й типографии „Искра Революции" Мосполиграфа. Москва, Арбат, Филипповский пер., 13. Тираж 100.000.

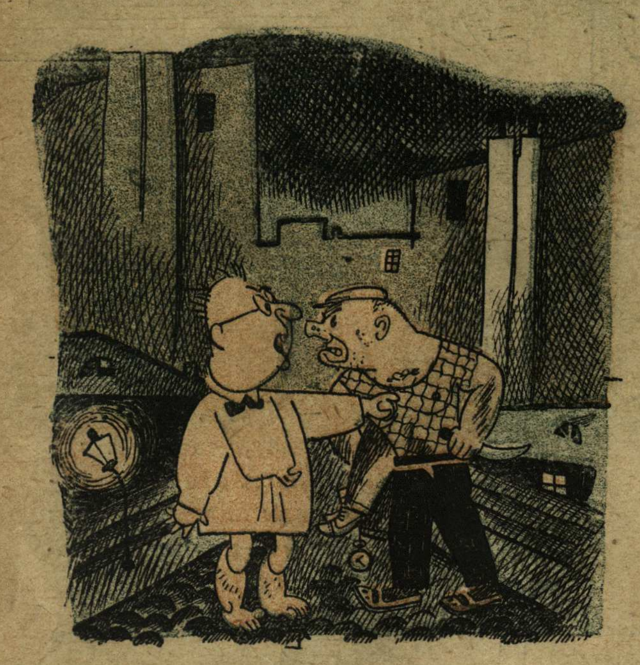
Рисунки К. Ротова

Бюрократ Бюрократыч

Текст Н. Агнивцева

1

На пустыре один молодчик
За горло Бюрократа —
хвать!
Молодчик этот был — налетчик,
И стал его он раздевать!

И, гневно бросив гордый взгляд,
Привычно молвил Бюрократ:
— „Кончайте ваше дело
и — уходите!“.

* * *

2

Весенней ночью — в результате
Весенних чувств — его жена

К нему направила об'ятья,
От страсти загсовой бледна!

И, гневно бросив гордый взгляд,
Привычно молвил Бюрократ:
— „Подождите в прием-
ной!“.

3

Весною солнце — сердобольно
И очень прыткое оно!
И солнце, словно мяч футболь-
ный,
К нему ворвалось сквозь окно!..

И, гневно бросив гордый взгляд,
Привычно молвил Бюрократ:
— „Без доклада не вхо-
дить!“.

* * *

4

Письмо от женщины любимой
Он, получив, был очень рад...
Но все ж его — неумолимо —
Вернул по адресу назад!

И, гневно бросив гордый взгляд,
Привычно молвил Бюрократ:
— „Марка не на том ме-
сте наклеена!“.

* * *

5

Все, что полезно, — не позорно!
И потому он, как-то, был
В том месте, что зовут „убор-
ной“...
Вдруг в двери кто-то задол-
бил!..

И, гневно бросив гордый взгляд,
Привычно молвил Бюрократ:
— „Зайдите через две
недели!“.

* * *

6

Пришли веселые дни мая!
И вот: „Весенний первый гром,

Как-бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом!“

И, гневно бросив гордый взгляд,
Привычно молвил Бюрократ:

— „Прошу не нарушать
тишины!“.

7

Он на свиданьи по весне был!..
Она сказала: „Я — твоя!“.
И, вот, жемчужинами с неба
Упало пенье соловья...

И, гневно бросив гордый взгляд,
Привычно молвил Бюрократ:
— „Не мешайте занятым
людям!“.

8

Был соловей превыше меры
Обижен в радости своей!
И, в первый раз за всю карь-
еру,
Ответил басом соловей:
— „Катись ты колбасой,
гад ползучий!“,
Плюнул и — улетел!